И. Н. Данилевский

ТЕКСТОЛОГИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ИЗУЧЕНИИ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

Истекшее столетие в отечественном летописном источниковедении ознаменовалось закреплением и — в последние десятилетия — безусловным господством методики, предложенной на рубеже XIX–XX вв. А. А. Шахматовым. Ее принято характеризовать то как сравнительно-текстологический, то как сравнительно-исторический, то как историко-текстологический, то как историко-филологический метод, то как метод логически-смыслового анализа. Согласно этому методу (как бы он ни назывался), единственной гарантией получения достоверного знания при работе с летописными источниками служит их предварительный текстологический анализ. Именно с ним связывается преодоление того, что с легкой руки С. Н. Чернова получило наименование «потребительского отношения к источнику»[1]. Начиная с работ А. Е. Преснякова и М. Д. Приселкова[2] текстологическому анализу (как бы он ни назывался) все чаще отводится роль едва ли не основного источниковедческого метода[3]. Показательна в этом отношении оговорка одного из ведущих современных исследователей позднего русского летописания — критикуя «представление о недостаточности собственно источниковедческих методов», В. Г. Вовина-Лебедева добавляет: «главным из которых в русской, да и вообще в европейской науке признавался сравнительно-текстологический метод»[4]. Мало того, многими исследователями летописеведение рассматривается фактически как часть текстологии[5]. Недаром в последнее десятилетие едва ли не все крупные исследования

по истории древнерусского летописания, если и не сводятся полностью к текстологическому анализу, написаны в рамках упомянутой научной парадигмы[6].

Видимо, за подобной точкой зрения все чаще скрывается не до конца осознанное отождествление текстологических и источниковедческих процедур: анализа списка с тем, что иногда принято называть внешней критикой источника, изучения собственно текста – с его внутренней критикой, а интерпретации литературного произведения (и текста источника как литературного произведения) – с исторической реконструкцией. Между тем процедуры эти различны, и между ними существует некий зазор.

Не вполне ясное ощущение этого разрыва между текстологией и источниковедением, скорее всего, и послужило основанием для прямо противоположной точки зрения, не нашедшей, впрочем, поддержки у большинства исследователей[7]

Однако ни сторонники расширительного толкования функций текстологии в источниковедческом исследовании, ни их противники не уточняют, как и в какой степени результаты изучения истории текста летописи влияют (и влияют ли вообще) на его интерпретацию.

Скажем, совершенно неясно, следует ли учитывать при истолковании выявленные в ходе текстологического анализа цитаты, инкорпорированные в исследуемый текст. «По умолчанию», считается, что их надо элиминировать из «производного» текста и исключать из его интерпретации[8]. И это логично: какую информацию об изучаемом явлении может дать текст, написанный совсем по другому поводу и, чаще всего, совсем в другое время? С точки зрения позитивизма[9] – никакой. Напротив, включение в позитивистские построения информации, почерпнутой непосредственно из цитат, приведенных автором источника, ставит исследователя в ложное положение, а все «реконструкции», основанные на них, оказываются фикциями. Именно поэтому существующая традиция исключать – при интерпретации текста – из рассмотрения все выявленные в нем цитаты представляется в высшей степени логичной. Это, однако, не снимает вопроса: но какую-то историческую информацию эти цитаты, которыми обильно насыщен практически

любой древнерусский текст, все-таки несут? Несомненно. Летописец, безусловно, — вопреки убеждениям некоторых современных специалистов — не только «пытается понять», но и прекрасно понимает, «*что* он пишет и переписывает». И мы не имеем права пренебрегать такой информацией. Вопрос лишь в том, как корректно использовать эту особенность наших источников для получения достоверных, верифицируемых результатов. Оценка текстов, даже целиком состоящих из цитат (подобно, скажем Слову или Молению Даниила Заточника), точки зрения их информативности резко изменится, когда с помощью выявленных цитат историк попытается ответить на вопрос, не *что* описывает источник (а это, замечу попутно еще раз, — вовсе не то же, *что* он пишет), а *о чем* он говорит. Цитаты (с их «памятью контекста») представляют собой чрезвычайно важный для историка источник информации о восприятии, оценках и характеристиках изучаемого им события автором текста нарративного источника, в составе которого эти цитаты выявлены — при полной бесполезности их для «реконструкции» самого события как такового.

Столь же неясно, как быть с текстами, источники которых установить не удается либо направленность разночтений между которыми собственно текстологическими методами не может быть установлена однозначно[10]

Недаром исследователи раннего отечественного летописания время от времени начинают усиленно заниматься поисками ранних протографов Повести временных лет. Так, пытаясь выявить летописные памятники X в., на которые якобы опирались составители Повести временных лет и предшествующих ей сводов XI в., М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков привлекали летописи XVI в., содержащие своеобразные (отсутствующие в Повести) известия о древнейшем периоде, — Устюжский свод и Никоновскую летопись[11] Вопрос о том, можно ли рассматривать «избыточные известия» В. Н. Татищева в качестве исторического источника, имеют столь обширную историографию, что сколько-нибудь полный анализ ее в данном случае просто невозможен[12]. Или — последний по времени пример — использование в работе Ю. Д. Акашева[13] сведений, почерпнутых из Иоакимовской летописи XVII в.[14]

Без таких текстологических «достроек» придется признать (как это делал М. Н. Тихомиров, критикуя, правда, не свои выводы — Д. С. Лихачева): если относить начало русского летописания к XI в., то окажется, что «вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого в нем события?»[15] Именно отсюда берут свое начало мифические «Сказания о первоначальном распространении христианства»[16], «Сказание о русских князьях X в.», «Повесть о начале Руси», летописи Осколда[17] и Ярослава Святославовича, древлянская летопись, свод Владимира и другие гипотезы, не имеющие и не находящие пока текстологического обоснования[18]. Их авторы, говоря словами Я. С. Лурье, «невольно возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»[19] Вот откуда — а вовсе не из текстологических наблюдений — неодолимое стремление непременно учуять дух русского фольклора, народных преданий, «устных летописей» в ранних летописных сообщениях[20].

Все это — проявления определенного кризиса традиционного понимания (или, лучше сказать, традиционного недопонимания или даже полного непонимания) древнерусских летописей и древнерусских источников вообще, основывающегося на классическом текстологическом анализе. При всех неоспоримых достоинствах такого подхода исследователи, использующие его, все чаще сталкиваются с тем, что он — впрочем, как и любой другой метод — имеет свои ограничения. И их уже нельзя игнорировать.

Критические замечания в адрес так называемой шахматовской методики, сводящей источниковедческий анализ к текстологии, звучали уже не раз. И если оппоненты-филологи, как правило, ставили в упрек даже самому А. А. Шахматову отход в его историко-литературных построениях от «чистой» текстологии, то историки, напротив, полагали, что великий исследователь слишком узко подходил к летописям, замыкаясь исключитель-

но в текстологических построениях, — вне той исторической среды, которая их породила.

Так, с одной стороны, В. М. Истрин вполне справедливо отмечал, что гипотезы А. А. Шахматова далеко не всегда основывались на собственно текстологических наблюдениях[21] Эта мысль позднее получила развитие. Так, один из наиболее «ортодоксальных» современных последователей А. А. Шахматова, Я. С. Лурье подчеркивал: «датировка Древнейшего свода, предложенная А. А. Шахматовым, имела предположительный характер, и реконструкция этого свода лишь в небольшой части опиралась на сравнительно-текстологические данные»[22] Этот же исследователь отмечал: «примером шахматовских “больших скобок” можно считать его гипотезу о “Полихроне Фотия” 1423 г. — общем источнике свода 1448 г., ...Ермолинской летописи и Хронографа. Исследованиями последних десятилетий установлено, что и Ермолинская и Хронограф восходили не к “Полихрону Фотия”, а к сводам второй половины и конца XV в.; предположение о “Полихроне Фотия” лишается поэтому своей текстологической основы»[23] При такой постановке вопроса остается неясным, а какие собственно «текстологические основы» были у этой гипотезы А. А. Шахматова до того, как текстологический анализ установил связь Ермолинской летописи и Хронографа со сводами второй половины XV в.? И почему эта гипотеза «лишается своей текстологической основы» только теперь? Быть может, ее не было и прежде, а была лишь гипотеза, с помощью которой А. А. Шахматов пытался объяснить текстуальные совпадения в изучавшихся им источниках?

С другой стороны, например, В. Т. Пашуто[24] считал, что А. А. Шахматов неправомерно сводит исторические условия, породившие летописи, лишь к «литературной среде» — «тому составу сборников и сводов, где обретаются эти своды»[25]. Из этого делался очень важный вывод: «Отдельные попытки Шахматова дать какое-либо смысловое объяснение полученным им чисто механическим путем построениям были произвольны как в деталях, где он широко применял конъектуральную критику, стремясь к “естественному истолкованию” “простого смысла”[26] текста, в отрыве от общей тенденции источника, в составе которого он сохранился, так и в целом»[27], а потому «в чистом виде

его текстология служила практике буржуазной историографии эпохи империализма»[28]. При этом, естественно, подразумевалось, что «общая тенденция источника» заведомо известна любому мало-мальски квалифицированному историку-марксисту. Позднее эти критические положения В. Т. Пашуто были поддержаны и развиты[29]

Так, А. Г. Кузьмин завершил критический анализ методологических подходов к изучению раннего летописания следующим пассажем: «Формальное сопоставление текстов всегда имеет тенденцию к замыканию их “в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений”[30]. Достоверные данные из текстов могут быть получены при условии, если сравнение постоянно соразмеряется с той общественно-исторической средой, в которой возникли и обращаются изучаемые памятники. Встречая сходные описания, говорит Б. А. Рыбаков, исследователь “обязан убедиться в невозможности возвести их к жизни и лишь после этого говорить о литературном воздействии”[31] Именно установление связи между текстом и породившей его общественной средой должно составлять основное содержание летописеведческого исследования. Безусловно, это несравнимо более сложная задача, чем констатация фактов текстуального расхождения и сходства. Но без ее решения текст не может быть даже правильно прочитан»

Обращает на себя внимание, что подобная критика шахматовской методологии явно неудовлетворительна, поскольку «правильное» прочтение самого источника и установление его «общей тенденции» либо сводятся к результатам формально-текстологического сопоставления (без объяснения, как данные текстологии можно «перевести» в общую характеристику источника[33]), либо предшествуют собственно научному изучению его текста.

Попытку выбраться из этого порочного круга недавно предпринял С. Я. Сендерович. Он предложил свой «выход за пределы шахматовской перспективы в рамках научной методологии», в котором «господствует не генетическая система отношений, а контекстуальная: внутренний анализ летописных текстов здесь включается в интертекстуальную перспективу» «Контекстуальный подход», по определению его автора, «наце-

лен прежде всего на поиски *интегральной* перспективы, поиски того, что составляет основу единства разнообразных текстов в рамках свода, что делает их участниками единой работы»

Такой перспективой для летописных текстов, по мнению С. Я. Сендеровича (с которым в данном случае трудно не согласиться), является Священное Писание: первый летописец, «как и всякий средневековый писатель, — экзегет». «Его источники: во-первых, Священная История, во-вторых, греческие хронографы» (при этом, правда, не поясняется, почему экзегетика должна быть так тесно связана с греческой хронографией). «Его задача заключается в том, чтобы события жизни его собственного народа подключить к универсальной, то есть христианской истории, таким образом подключить ее к историографической традиции, извлечь из области внеисторического бытия и баснословия и, собственно, сделать историей». «Чтобы стать летописцами, они [“зачинатели русского летописания”] должны прежде всего быть теологами и историософами»[37] «Те источники, по которым они учились тому, что такое история, — это доступные им книги Священной Истории евреев или отрывки из них, Толковые Пророчества отцов церкви и греческие хроники и хронографы, передающие Священную Историю и ее продолжение, а также Деяния и Послания апостолов, где толкуются проблемы подключения к истории новой ее ветви. В этом же ряду находится и традиция апостолов славян Кирилла и Мефодия. Во всех этих источниках историософия и историография предстают как истолкование событий на основе Священного Писания, то есть в качестве экзегезы». «Тут нельзя не быть теологом», — заключает С. Я. Сендерович

Приведенные рассуждения, безусловно, логичны и по сути, скорее всего, правильны. Настораживает, однако, вполне ощутимый априоризм предлагаемого подхода. Как и в советский период, когда летописец «не должен был быть» «церковником» (даже если он, вне всякого сомнения, был монахом), теперь — он просто обязан («не может не») быть «теологом». Между тем, и это — последнее — *пред*положение (как и предыдущее ему) сначала надо доказать. Иначе оно в научном плане выглядит ничуть не лучше позиции, критикуемой С. Я. Сендеровичем. К тому же круг чтения летописца и его «актуального» читателя должен

быть определен более точно. Мало того, необходимо выяснить (и, опять-таки, доказать), *что* из доступной им литературы *они* читали – да еще и понять, *как* читали: что из нее «вычитывали» и как это «вычитанное» понимали[39].

Поэтому «интертекстуальный»[40] поворот, пропагандируемый С. Я. Сендеровичем (при том, что он – в плане ментальных структур – представляется в принципе более корректным, чем подход к летописанию и летописцу, скажем, Д. С. Лихачева[41]), оказывается столь «тотальным», что методически проигрывает традиционному «шахматовскому» подходу. Предлагаемый же исследователем «нативистский план» Повести временных лет представляется не более чем очередной спекуляцией (хотя и достаточно остроумной)[42].

До тех пор, пока не будут предложены принципы редукции подобных методологических оснований в конкретную методику, позволяющую получать верифицируемые результаты, «контекстуальный» или «интертекстуальный» подход (при всей его соблазнительности) не может конкурировать с методом А. А. Шахматова. А всякая попытка разработки подобной методики, видимо, неизбежно – поскольку единственной реальностью, непосредственно доступной историку, были и остаются тексты – заставит вновь обратиться к текстологии: дисциплине, результаты которой так или иначе можно проверить. Вопрос, судя по всему, «лишь» в том, что понимать под текстологией.

В связи с этим, видимо, настало время поставить вопрос о пределах использования классической «филологической» текстологии и разработке текстологии «источниковедческой», которая отличается от первой целями и функциями. Подобно ей, она будет продолжать заниматься установлением (в специальном смысле этого термина) текстов и их генеалогией, выявлением пропусков и вставок, а также выявлять источники, на которые опирались авторы и редакторы анализируемого произведения. В то же время, в отличие от текстологии «филологической», основная цель ее, видимо, должна состоять не в определении «канонического» текста или «последней воли автора» (что необходимо литературоведам для подготовки публикации данного произведения[43]), а в реконструкции генеалогии текста источника как таковой.

Впрочем, такая постановка вопроса не нова. Еще в 1966 г. С. Н. Азбелев дал определение «исторической» текстологии: «Текстология вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их»[44]. И дело здесь не в том, «лучшее» это «определение текстологии»[45], нежели то, что дал Д. С. Лихачев, или нет. Азбелев просто предложил определение *другой* текстологии — той, которая в большей степени волнует историков («вспомогательной *исторической* дисциплины»), а не филологов.

Традиционный текстологический анализ опирается на признание текста летописи *произведением* (при всех оговорках и условностях применения этого термина по отношению к древнерусскому источнику вообще и летописи в частности[46]). Именно такое признание — осознается это или нет — лежит в основе шахматовской методики изучения текстов[47]. В таком виде — как *завершенный* на некотором этапе текст — летопись стала объектом структурного анализа, одним из воплощений которого и является анализ текстологический.

Между тем любое древнерусское произведение практически всегда предстает перед исследователем в нескольких вариантах, не совпадающих в точности друг с другом. Такая вариативность обычно трактуется как последовательные, не всегда (но преимущественно) намеренные изменения текста, связанные с его многократным переписыванием. Однако точно на таких же основаниях вполне можно полагать, что перед нами — определенная последовательность своеобразных черновиков текста произведения, ни один из которых не претендовал на «каноничность». Каждое изменение в предшествующем тексте — еще один «авторский» вариант, «проба пера». Каждое дополнение или, напротив, сокращение текста вполне сопоставимо с той работой, которую современный нам автор ведет над своей рукописью. В летописании эта черта древнерусской литературы проступает, пожалуй, наиболее наглядно[48]. Предельно четко эту особенность летописания сформулировал Д. С. Лихачев: «История вплоть до XVI в. не имела для русских людей законченных периодов, а всегда продолжалась современностью»,

поэтому «летопись фактически не имеет конца; ее конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем»[49]

Такая постановка вопроса позволяет вновь — после А. А. Шахматова — уйти (на время) от восприятия летописного свода как *законченного* текста. Для этого достаточно признать, что любой список не дает нам полного представления о летописи как о произведении в полном смысле слова. Он — лишь набросок, черновик, правка промежуточного текста, отличный от того вида, в котором летопись должна была предстать перед своим основным, *окончательным* Читателем. Подобный взгляд на летописание позволяет использовать для его исследования *постструктуралистскую методологию*, на которой, в частности, и базируются методы так называемой *генетической критики*, разрабатываемой во Франции в течение последних тридцати лет[50].

По определению одного из создателей этого направления, «противостоя текстовой закрытости и неподвижности структурализма, от которого она, однако, унаследовала методы анализа и размышления о текстуальности, вступая в спор с рецептивной эстетикой, которая занимается *восприятием* текстов, а не их *созданием*, генетическая критика принесла с собою новый взгляд на литературу. Ее предмет — литературные рукописи, в той мере, в какой они содержат следы развития, становления текста. Ее метод — обнажение плоти и процесса письма, а также построение целой серии гипотез о самой письменной деятельности. Ее цель: описать литературу как делание, деятельность, движение» Генетические критики на основании анализа «видимых следов действия творческого механизма» — максимально доступного исследователю числа рукописей произведения, «разложенных в определенном порядке», — пытаются реконструировать «предысторию» текста. От конкретной рукописи — «застывшего, изолированного, зачастую прерывистого следа пишущей руки» — генетический критик «мысленно переходит к повторяющимся операциям, из которых состоит процесс письма — написать, добавить, вычеркнуть, заменить, переставить местами. В свою очередь, размышления об операциях приводят генетического критика к гипотезам о той ментальной деятельности, которая за ними скрывается». Следуя этим путем, генетический критик «строит предположения о путях развития

письма и об особенностях того творческого процесса, который Пруст, вслед за Леонардо да Винчи, назвал *cosa mentale* [умственная вещь — *ит.*]»

Правда, генетические критики неоднократно подчеркивали, что они имеют дело лишь «с рукописями современных писателей». И это предпочтение вполне объяснимо: «мы имеем в виду литературу совершенно определенного рода, — уточняют они, литературу современную, такую литературу, которая предполагает рефлексию текста над самим собой (текст и рукопись содержат следы этой рефлексии, следы становления письма) и трансгрессию (в рукописи сталкиваются тяга к воспроизводству уже добытого знания и всплески творческой энергии). В другие литературные эпохи предпосылки были иными»[54]. Однако это временнóе ограничение в случае с летописями не срабатывает, поскольку летописеведы, как мы уже отмечали, подобно генетическим критикам, исследуют «процессы, не имеющие конца»

Генетическая критика основывается на данных и методах классической текстологии, — но не ограничивается ими. Последовательные этапы развития текста, установленные текстологически, становятся основой *генетического досье*: подборки последовательных вариантов, «выписок» цитат, сокращений, дополнений и вообще любой правки «исходного» текста. Причем это досье всегда будет заведомо неполным[57], поскольку значительная часть его утрачена по разным причинам (и, прежде всего, потому, что никто не собирался хранить его).

* * *

Чтобы стало яснее, о чем идет речь, приведем в качестве примера генетическое досье небольшого фрагмента из Повести временных лет: речь идет об описании бегства Святополка Окаянного под 6527/1019 г.

Классическая текстология позволяет выстроить хронологическую последовательность дошедших до нас текстов с этим описанием. Наиболее ранней формой анализируемого образа является, видимо, текст, сохранившийся в составе Новгородской I летописи старшего извода (Начальный свод, по определению А. А. Шахматова, либо первая редакция Повести

временных лет, по определению М. Х. Алешковского). Там это описание крайне лапидарно: «И бѣжя Святопълк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде Кыеву»[58] И все. В чуть более поздней редакции (Новгородская I летопись младшего извода) появляются новые детали: «И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же гоним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои скончa; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Кыеву» Развернутое описание бегства Святополка появилось, видимо, только под пером составителя житийного «Сказания и страсти и похвалы святюю мученику Бориса и Глеба», составленного, по мнению Н. Н. Ильина, перед канонизацией первых русских святых в самом конце X в., за несколько лет до появления на свет Повести временных лет[60]. Здесь есть уже все (точнее, почти все) то, что мы читаем в Повести: и «расслабленные кости» Святополка, и путешествие его на носилках, и вопли о гонящихся за ним, и «пустыня межю Чехы и Ляхы», и могила, пребывающая «до сего дне». Только «дым» заменен «смрадом», да отсутствует уж совсем, казалось бы, незначительная деталь — не упоминается, что Святополк принимает посмертные муки в пустыни связанным: «И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а сь оканьныи и Святопълк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Он же рече: "Побѣгнѣте, осе женуть по нас!" И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, въсхопив ся, глаголаше: "Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!" И не можааше тьрпѣти на единомь мѣстѣ. И пробѣже Лядьску землю, гоним гнѣвъмь Божиемь. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испроврьже живот свои зълѣ. И прият възмьздие от Господа, яко же показа ся посъланая на нь пагубьная рана. И по съмьрти муку вѣчьную и тако обою живоу лихован бысть: и сьде — не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо — не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития порѣши, нъ и муце и огню предасть ся. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрад зълыи на показание человеком»[61]

Итак, в результате собственно текстологического анализа перед нами предстает следующая картина развития текста:

Новгородская I летопись старшего извода

И бѣжя Святопълк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде Кыеву

Новгородская I летопись младшего извода

И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же гоним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои скончал; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Кыеву

Сказания и страсти и похвалы святюю мученику Бориса и Глеба

И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а сь оканьныи Святопълк побѣже; и нападе на нь бѣс, раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Он же рече: "Побѣгнѣте, осе женуть по нас!" И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, въсхопив ся, глаголааше: "Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!" И не можааше търпѣти на единомь мѣстѣ. И пробѣже Лядьску землю, гоним гнѣвъмь Божиемь. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испроврьже живот свои зълѣ. И прият възмьздие от Господа, яко же показа ся посъланая на нь пагубьная рана. И по съмьрти муку вѣчьную и тако обою живоу лихован бысть: сьде — не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо — не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития порѣши, нъ и муце и огню предасть ся. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрад зълыи на показание человеком.

Лаврентьевская летопись

К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему, нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестью, бегающе с нимь. Он же глаголаше: "Побегнете со мною, женуть по нас" Отроци же его всылаху противу: "Еда кто женеть по нас? И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: "Осе женуть, о женуть, побегнете" не можаше терпети на едином месте. И пробежа Лядьскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте. Его же по правде, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего света прияша мукы оканьнаго. Показоваше яве посланая пагубная рана в смерть немилостиво вогна. И по смерти вечно мучим есть связан. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол.

Это – текстологическая основа генетического досье. Остается, правда, неясным, откуда летописец смог раздобыть детали описания бегства Святополка, которых – заметим становится все больше по мере удаления описания во времени от самого описываемого события. Попытаемся восполнить пробелы в генетическом досье путем обращения к литературным произведениям, которые, как установлено текстологами, летописец использовал в качестве своих источников или, по крайней мере, был с ними знаком. Для удобства разобьем генетическое досье этого описания на части, каждая из которой соответствует определенному этапу развития текста.

На первом этапе мы имеем всего одну фразу, которая, правда, довольно быстро «набирает вес»:

Новгородская I летопись старшего извода

И бѣжя Святопълк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде Кыеву

Новгородская I летопись младшего извода

И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, ником же гоним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои скончa; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Кыеву

Источники следующего описания

«В *архан.* поныне *между чахи и ляхи* знчт. так и сяк, ни то ни сё, середка на половине. *День ушел между чахи и ляхи*, не знаю куда»[62].

«Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним...»[63]

«...и дым мучения их [тех, «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою»] будет восходить во веки веков»[64].

На первом этапе переработки текста в рассказ о бегстве Святополка вставляется, во-первых, упоминание о том, что он «бысть межи Чахы и Ляхы». Это «уточнение» оказывается поговоркой, буквально означающей: ‘Бог весть где’[65]. В то же время не исключено, что оно является своеобразным воплощением «обещания», что «беззаконные», нарушающие Божественные установления, его завет: они должны погибнуть «между народами», и «пожрет» их земля врагов[66]. Правда, текстологический анализ не позволяет пока настаивать на такой трактовке этой детали. В то же время нельзя ее и полностью исключить из рассмотрения, поскольку в дальнейшем, судя по всему, именно упомянутый мотив получит развитие в тексте.

Сразу же можно отметить, как фразеологизм «межи Чахы и Ляхы» на каждой следующей стадии изменения текста постепенно теряет свою «поговорочность». Уже в *Сказании и страсти и похвале* он «звучит» как «Чехы и Ляхы», а в лаврентьевском варианте — как «Ляхы и Чехы», судя по всему, полностью пре-

вратившись в топографическое указание (с уточнением, что Святополк попадает туда «пробежа Лядьскую землю»).

Во-вторых, «нечестивость» Святополка подчеркивается указанием, позаимствованным, скорее всего, из библейской книги Притч Соломоновых, что тот бежит, «никим же гоним». Здесь же появляется и эпитет, превратившийся позднее в прозвище Святополка, «окаянный».

В-третьих, в рассказ летописца вставляется упоминание дыма, который якобы появляется после «злой» смерти Святополка. Он явно восходит к апокалиптическому «дыму мучений», который «будет восходить во веки веков» от грешников, поклонившихся Антихристу.

Другими словами, все появившиеся детали должны были заклеймить Святополка как богоотступника и пособника Антихриста.

На следующем этапе развития текста изложение заметно расширилось:

Новгородская I летопись младшего извода	*Источники следующего описания*	
И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же гоним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои скончa; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Кыеву	Около того же времени Антиох [IV Епифан] с бесславием возвращался из пределов Персии. ⟨...⟩ Воспылав гневом, он... приказал правящему колесницею непрестанно погонять и ускорять путешествие, тогда как небесный суд уже следовал за ним... Тогда случилось, что он упал с колесницы, которая неслась быстро, и тяжким падением повредил все члены	«Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует... И не будет у вас силы противостоять врагам вашим. И погибнете между народами, и пожрет вас земля врагов ваших»[68]

тела. И... несен был на носилках, показуя всем явную силу Божию...; смрад же зловония от него невыносим был в целом войске. ⟨...⟩.

...Пришел уже на него праведный суд Божий ⟨...⟩

Так этот человекоубийца и богохульник, претерпев тяжкие страдания, какие причинял другим, кончил жизнь на чужой стороне в горах самою жалкою смертью[67]

Сказание и страсть и похвала святюю мученику Борису и Глебу

И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а сь оканьныи и Святопълк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Он же рече: "Побѣгнѣте, осе женуть по нас!" И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, въсхопив ся, глаголааше: "Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!" И не можааше търпѣти на единомь мѣстѣ. И пробѣже Лядьску землю, гоним гнѣвъмь Божиемь. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испроврьже живот свои зълѣ. И приял възмьздие от Господа, яко же показа ся посъланая на нь пагубьная рана. И по съмьрти муку вѣчьную и тако обою живоу лихован бысть: и сьде — не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо — не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития порѣши, нъ и муце и огню предасть ся. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрад зълыи на показание человеком

На этом этапе развивается идея, заложенная при предыдущей переработке текста. Во-первых, описание бегства Святополка дополняется деталями, восходящими к уже упоминавшейся Книге Левит (но теперь апелляция к ней приобретает вполне выраженный вид).

Во-вторых, появляется целый комплекс деталей, которые совпадают с библейским описанием бегства Антиоха IV Епифана из Персии («расслабленность» Святополка, результатом чего становится его передвижение на носилках, постоянное стремление беглеца ускорить свое путешествие и, наконец, «смрад зловония», сменивший в предыдущем описании «дым мучений»)[69] Привлечение образа Антиоха для развития косвенной характеристики Святополка станет ясным, если учесть, что именно Антиох IV, «представленный в Книге Даниила как противник Бога, жестокий тиран и притеснитель праведной веры... стал непосредственным прообразом христианского анти-Мессии, Антихриста»[70] Другими словами, в новом варианте описания Святополк все больше сближается с Антихристом. Следует ли удивляться этому, если вспомнить, что именно в «Страсти и сказании и похвале...» характеристика Святополка – «советника всему злу» и «начальника всей неправде» – дополняется и такими деталями: его мать «преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи; и поялъ ю бѣ Ярополкъ, братъ Володимирь, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея»[71]. Согласно же апокрифическому Откровению Мефодия Патарского, Антихрист должен родиться от «черницы»[72].

Наконец, на завершающем этапе развития текст претерпел дополнительные изменения:

Сказание и страсть и похвала святюю мученику Борису и Глебу	*Источники следующего описания*	
И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а сь оканьныи и Святопълк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Он же рече: "Побѣгнѣте, осе же-	«Оканьныи же Иродъ за неколико дьнии тляемъ и червьми растачаемъ злѣ житье си разори, якоже и нечестивыи отець его, ибо то на Христа начатъ сверстьникы его дерзнувъ усѣкну сведену, еще сы въ житии нелѣпо и хулно, житье си испроверже.	«И сказал... Господь Руфаилу: "Свяжи Азазела по рукам и ногам и положи его в пустыне; сделай отверстие в пустыне, которая находится в Дудаеле, и опусти его туда. ...И в великий день суда он будет брошен в жар (геенну).

нуть по нас!” И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, въсхопив ся, глаголааше: “Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!” И не можааше търпѣти на единомь мѣстѣ. И пробѣже Лядьску землю, гоним гнѣвъмь Божиемь. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испроврьже живот свои зълѣ. И прият възмьздие от Господа, яко же показа ся посъланая на нь пагубьная рана. И по съмьрти муку вѣчьную и тако обою живоу лихован бысть: и сьде не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо – не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития порѣши, нъ и муце и огню предасть ся. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрад зълыи на показание человеком

Его же по правдѣ, яко неправеднаго, суду нашедшю, по отшествии сего свѣта прияша мукы оканьнаго. Показавше яве образъ, абье прятъ сего от Бога послана рана пагубная в смерть немилостиво въгна»[73].

...Ему припиши все грехи!”»[74]

Лаврентьевская летопись

> К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему, нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестью, бегающе с нимь. Он же глаголаше: "Побегнете со мною, женуть по нас" Отроци же его всылаху противу: "Еда кто женеть по нас?" И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: "Осе женуть, о женуть, побегнете" не можаше терпети на едином месте. И пробежа Лядьскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте. Его же по правде, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего света прияша мукы оканьнаго. Показоваше яве посланая пагубная рана в смерть немилостиво вогна. И по смерти вечно мучим есть связан. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол

Теперь текст, повествующий о бегстве Святополка после битвы на Альте, дополняется прямой цитатой из Хроники Георгия Амартола, отсылающей читателя к рассказу о кончине Ирода Окаянного, который, подобно отцу своему, «дерзнул против Христа».

Кроме того, в этом рассказе появляется столь любопытная деталь, как упоминание мучений, которые Святополк должен принять после смерти связанный в пустыне. Смысл этого уточнения, как мне представляется, может быть установлен при обращении к апокрифической Книге Эноха. На славянский язык она была переведена еще в X–XI вв.[75] В ней, в частности, упоминается Азазиэль, который связанным должен быть заключен или прогнан в пустыню Дудаэль – «для отпущения», чтобы в судный день «он понес на себе их беззакония»[76] С этим-то козлом отпущения, видимо, и сравнивается Святополк.

Как видим, практически для всех деталей летописного описания удается найти литературные прообразы.

На основе генетического досье воссоздается *авантекст*[77] произведения – «его новое синтетическое прочтение, реконструирующее последовательность генезиса»[78] По сути, авантекст представляет собой *реконструкцию* генезиса текста источника. Важным элементом этого процесса воссоздания логики форми-

рования текста является постоянная проверка того, подтверждается ли рабочая гипотеза исследователя на всем пространстве авантекста или лишь в отдельных его частях.

Теперь мы можем проанализировать, так сказать, генез образов, которые использовали авторы для описания бегства Святополка.

Итоговый «перевод» рассматриваемого отрывка мог выглядеть приблизительно так: «Нечестивый Святополк, винный в пролитии крови человеческой, бежал от Ярослава как злодей и богохульник Антиох IV из Персии. И не было ему спасения. И умер он невесть где, подобно Ироду Окаянному, приняв муки за свое неверие. И после смерти вечно мучим, добно козлу отпущения».

Однако на этом работа по демистификации текста не закончена. Напротив, по существу, она только начинается. Теперь исследователю предстоит проанализировать каждый из выявленных образов, с которым так или иначе идентифицируется в Повести Святополк. Принципиально важным при этом становится прояснение логики автора, привлекшего для описания «подробностей» данного события именно эти, а не другие образы. Выявление логических связей между ними (т. е. воссоздание авантекста как такового), пожалуй, самая сложная, хотя и наиболее интересная часть процедуры демистификации. Она же — в силу своей принципиальной гипотетичности — является и наименее верифицируемой, все больше сдвигаясь от полюса «научности» к полюсу «гуманитарности».

Что же могло заставить летописца косвенно отождествить Святополка именно с этими персонажами?

Скажем, что могло сближать для создателя летописи Святополка с Антиохом IV Епифаном (175—164 гг. до н. э.)? С одной стороны, это могло быть вызвано некоторым сходством обстоятельств гибели Святополка и библейского персонажа. Однако никому еще не удалось обнаружить каких-либо «свидетельских показаний», на которые летописец мог опираться в этом случае. С другой стороны, такое отождествление могло исходить из какого-то семантического сходства — в глазах летописца — этих персонажей. В таком случае, не исключено, что

приписывание Святополку сходства с Антиохом объясняется особым отношением к последнему в христианской традиции.

Известно, что автор Книги Даниила ожидал непосредственно после смерти Антиоха установления «вечного царства» «святых Всевышнего» и крушения государства Селевкидов[79] Однако, когда этого не произошло, пророчество о Царстве Христовом было отнесено на будущее время. При этом «противник Бога, жестокий тиран и притеснитель праведной веры, Антиох IV стал непосредственным прообразом христианского анти-Мессии, Антихриста»[80] Помимо всего прочего, обращает на себя внимание то, что, по словам Иеронима, Антиох «за отступничество наделит их [Иудеев] имениями и будет раздавать дары. Так же и Антихрист будет раздавать обольщенным многие дары и наделять свое войско землей, и кого будет не в состоянии [покорить] посредством страха, тех покорит через корыстолюбие»[81]. Это – еще одна черта, «роднящая» Святополка с Антиохом (если не с самим Антихристом): «О убьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь...»[82]

Еще одна черта, обращающая на себя внимание, – бытовавшее в христианской традиции представление, что Антиох «восстал против служения Богу»[83] Вполне естественно, вспоминается здесь вывод Г. М. Филиста о том, что Святополк «противостоял насильственному насаждению христианства»[84].

Ко всем этим параллелям «тянут» и косвенное (в списке Владимировичей под 6488 г.) отождествление Святополка с библейским Даном (от «колена» которого должен родиться Антихрист), и указанный летописцем срок его правления в Киеве (с июля 6523 г. по 6527 г., то есть три с половиной года – срок правления Антихриста в последние времена[85]), и, наконец, его происхождение. На последнем, видимо, следует остановиться особо. Напомню, как о нем повествует летописец: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, от неяже родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть[86]: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, – Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣи бысть убо. Тѣмь и отець его не любяще, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка

и от Володимера» Как правило, это указание рассматривается только в буквальном смысле. Между тем, в древнерусском переводе Откровения Мефодия Патарского упомянуто, что Антихрист родится от «черницы»[88]. То, что мать Святополка была монахиней, столь важно для летописца, что он сообщает об этом дважды: «У Ярополка же жена Грекини бѣ и бяше была черницею: бѣ бо привелъ [ю] отець его, Святослав и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея»[89].

Так что, судя по всему, подбор библейских «аналогов» Святополку был обусловлен не столько историческими реалиями (хотя, видимо, и ими тоже), сколько тем прообразом, на который должно было выводить читателя летописи описание этого персонажа.

Важной особенностью предлагаемой трактовки исследуемого текста является то, что она принципиально верифицируема. В случае несогласия с ней исследователь должен предложить свой вариант генетического досье и, соответственно, свой авантекст рассказа Повести о бегстве Святополка Окаянного.

* * *

Таким образом, генетические критики, восстанавливающие авантекст, фактически решают ту задачу, которую Ф. Шлейермахер называл собственно *пониманием*: реконструировать сам процесс репрезентации образа, формулирования мысли, скрытых в готовом тексте, с которым имеет дело интерпретатор[90] Тем самым генетическая критика закрывает лакуну, отмеченную нами, — между классической текстологией (которая идет от списка к тексту, а от него — к произведению) и летописным источниковедением (которое движется параллельно текстологическому анализу, но не совпадает с ним: от того, что когда-то было принято называть «внешней» критикой источника, к его «внутренней» критике и, наконец, к интерпретации текста источника, завершающейся исторической реконструкцией). Связующим звеном в этой цепи и оказывается генетическая критика. Основываясь на результатах текстологических наблюдений, она гипотетически реконструирует сам процесс создания текста, двигаясь от его внешней формы к форме вну-

тренней[91], а от нее (учитывая память контекста тех «выписок» и цитат, которые дополняют и развивают исходный текст, либо его «вычеркнутых» фрагментов) — к реконструкции самого образа события, реальности стоящей *за* текстом источника.

Полагаю, именно на «генетическом» (а не на собственно текстологическом) уровне становится возможной реконструкция «общей характеристики» и замысла летописного произведения, что, как известно, является необходимым предварительным условием использования его в качестве исторического источника.

При этом текстология занимает подобающее ей место в гуманитарном исследовании. Такой подход не только точнее определяет область ее «юрисдикции», компетенции и приоритетов, но и намечает сферы, в которые она вторгаться не может и не имеет права — в частности, для историков, в вопросе преодоления так называемого «потребительского отношения к источнику». Полагаю, только двойное — «систематическое» и «несистематическое», «извне» (текстологическое) и «изнутри» (генетическое) — прочтение древнерусских источников позволит ближе подойти к пониманию их текстов, совершить следующий после А. А. Шахматова шаг в научном изучении древнерусского летописания как исторического источника и, главное, сделает выводы историков максимально верифицируемыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

По словам Я. С. Лурье, «в печати этот термин, употреблявшийся в повседневном научном общении 20–30-х гг., появился лишь один раз. В 1934 г. при обсуждении доклада Б. Д. Грекова "Рабство и феодализм в древней Руси" С. Н. Чернов заметил: "Если подойти к тому, как Б. Д. Греков пользуется источниками, я бы сказал (пусть не обидится на меня Б. Д.), что его отношение к ним в известной мере потребительское. Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, *совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и в своих частях*"» [Известия Гос. Академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 86. С. 111–112]» (*Лурье Я. С.* Предисловие // *Приселков М. Д.* История русского летописания X–XV вв. СПб., 1996. С. 29; курсив мой. — *И. Д.*). Более подробное объяснение того, что представляет собой «потребительское отноше-

ние» к источнику, дал чуть позднее М. Д. Приселков: «если историк, углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, *т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте*, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно, т. е. в его московской политической трактовке, через которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов» (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 36; курсив мой. – *И. Д.*).

Приселков М. Д. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси» // Известия Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1914. Т. 19, кн. 1; *Приселков М. Д.* Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия Отделения русского языка и словесности АН за 1920 г. Пг., 1922. Т. 25; *Пресняков А. Е.* А. А. Шахматов в изучении русских летописей // Там же.

[3] Приведу всего лишь одно характерное высказывание последних лет: «игнорировать результаты сравнения доступных нам летописей, "потребительски" использовать летописные рассказы "как таковые" без учета параллельных текстов и летописной генеалогии, нельзя – это неизбежно приводит к произвольности и неубедительности выводов, основанных на таких построениях» (*Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 13).

[4] *Вовина-Лебедева В. Г.* К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 124. При этом как-то «само собой» забывается, что исследователи так и не смогли договориться относительно того, что же, собственно, представляет собой метод текстологии (ср., напр.: *Лихачев Д. С.* По поводу статьи Б. Я. Букштаба // Русская литература. 1965. № 1. С. 84; *Прохоров Е.* Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3. С. 149; *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР 1966. № 4. С. 91, и др.).

Ср.: *Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 197; *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР 1972. № 4. С. 52–53 и др.; *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения

и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 54–60, и др.

Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М., 1991; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001, и др. Симптоматично и переиздание классических работ как самого А. А. Шахматова (*Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001; *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах), так и наиболее последовательного его ученика, М. Д. Приселкова (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] СПб., 1996; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2003).

[7] Ср.: «...Текстологии может быть оставлена лишь формальная классификация списков и редакций, установление формальных взаимоотношений текстов, выявление формальных особенностей их, причем содержательный смысл всех установленных отличий может быть понят лишь в рамках историко-филологических наук» (*Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 22–23). При этом, правда, оставалось неясным, что имеется в виду под «историко-филологическими науками». Ср.: «Текстология не может тормозить развитие истории» (*Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей. М., 1973. Вып. 1. С. 67). С другой стороны, звучали призывы не превращать текстологию в «служанку» «всевозможных теоретических концепций» (*Лурье Я. С.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 40).

[8] Ср., напр.: «Итак, Новгородская I летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями “Повести временных лет” *Выделив из состава “Повести” вставные статьи*, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX–X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет *составной, компилятивный* характер» (*Тихомиров М. Н.* Начало русской историографии. С. 48; курсив мой. – *И. Д.*).

В то же время, если этого не удается сделать, историк, как правило, тут же предлагает альтернативную версию, «текстологически» объясняющую такую невозможность. Так, например, А. А. Зимин обращает

внимание на то, что «еще А. А. Шахматов установил, что в рассказ 1037–1039 гг. составитель Начального свода 1093–1095 гг. вставил отрывок из паремейника [Вставка "велика бо бываеть полза... въсприемлеть душа велику ползу" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 152, 153; *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 165). Впрочем при реконструкции Древнейшего свода Шахматов опускает и предшествующий текст ("якоже бе некто" до начала вставки), не давая этому объяснения (*Шахматов*. Разыскания... С. 583). — *примечание А. З.*]. Текст паремейника с добавлениями совершенно невозможно вырвать из общего рассказа 1037–1039 гг. о построении Софии, заботе Ярослава о просвещении и монастырях [В тексте рассказа, как и в полагаемой А. А. Шахматовым вставке, неоднократно говорится о любви Ярослава к книгам; ср. "книгам прилежа и почитая е часто в ночи и в дне и... списаша книгы многы и сниска имиже поучашеся вернии людье наслажаются ученья божественнаго..." и т. д. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151, 152). — *примечание А. З.*]. Начало предполагаемой вставки является логическим продолжением предыдущего рассказа о пользе книжного учения. Если считать, что паремейником пользовался только составитель Начального свода, то следует признать, что весь рассказ под 1037–1039 гг. принадлежит его же перу» (*Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 144–145).

Данный термин используется мною без всякого негативного оценочного оттенка. Только благодаря позитивистской парадигме стало возможным создание практически всего историографического нарратива, являющегося основой современной исторической науки. Этот подход не утратил своей роли в формировании позитивного знания и по сей день.

[10] Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 181–244. Ср., напр.: «При сравнении приведенных вариантов Предисловия [к Повести временных лет] видно, как активно изменяется текст любого древнерусского произведения. Все четыре варианта представлены рукописями XV–XVII вв., т. е. они на многие века отстоят от первоначальной записи XI в. В подобных случаях выявить этот первозданный текст — задача почти неразрешимая, но условия любого текстологического исследования обязывают обращаться к решению такой задачи. Все четыре варианта Предисловия претерпели самые различные изменения. Практика анализа древнерусских произведений показывает, что в любом из них может сохраниться первоначальная деталь текста, утраченная другими вариантами, независимо от того ранний это вариант (XV в.) или поздний (XVII в.). Решить вопрос о первичности или вторичности того или иного чтения необычайно трудно» (*Зиборов В. К.* О летописи Нестора. С. 134).

[11] *Тихомиров М. Н.* Начало русской историографии // Вопросы истории, 1960. № 5. С. 43–48, 51–52; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 160–173.

[12] Назову лишь некоторые из работ, посвященных этой проблеме: *Шахматов А. А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Вып. 1. С. 94–95; *Пештич С. Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. Т. 18. С. 327–335; *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 39–53 (перепечатка в сб.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 66–83); *Валк С. Н.* «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24: Литература и общественная жизнь Древней Руси. С. 349–352; *Сазонова Л. И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1970. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. С. 29–46; *Добрушкин Е. М.* О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 284–290; *Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк – писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2. С. 221–222; *Кузьмин А. Г.* Был ли В. Н. Татищев историком? // Русская литература. 1971. № 1. С. 58–63; *Лихачев Д. С.* Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // Там же. С. 65–66; *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 91–109; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 184–276; *Кузьмин А. Г* Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вестник Московского ун-та (История). 1972. № 5. С. 79–89; *Добрушкин Е. М.* К вопросу о творческой лаборатории В. Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 131–138; *Добрушкин Е. М.* К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. С. 281–287; *Добрушкин Е. М.* К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории: Древнерусский «обычай» в «Истории Российской» // XVIII век. Л., 1974. Вып. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. С. 149–167; *Добрушкин Е. М.* О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76–96, и мн. др.

[13] *Акашев Ю. Д.* Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

[14] Еще в XIX в. было надежно установлено, что данная летопись, сохранившаяся лишь в цитатах у В. Н. Татищева, представляет собой позднейшую компиляцию из русских и иностранных известий с присоединением литературных, подчас баснословных «украшений», характерных для XV и особенно XVI–XVII вв. Этот вывод впоследствии был подтвержден С. К. Шамбинаго (*Шамбинаго С. К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. [Б. м.] 1947. Вып. 21. С. 254–270) и С. Н. Азбелевым (*Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960 и др.).

[15] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР: Учеб. пос. [2-е изд.] М., 1962. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. С. 66. Ср.: «Принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий» (*Тихомиров М. Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46 [перепечатка из журнала «Вопросы истории». 1960. № 5]).

[16] Одной из немногих работ, посвященных анализу текстологических оснований (точнее, их отсутствию) данной гипотезы Д. С. Лихачева, стала фундаментальная статья Д. А. Баловнева: *Баловнев Д. А.* Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46. К сожалению, критическая проверка других многочисленных гипотез, касающихся ранних этапов летописной (вернее, «предлетописной») работы древнерусских книжников, до сих пор не проведена.

[17] Избыточные известия Никоновской летописи, которые были положены Б. А. Рыбаковым в основу этой гипотезы, проанализировал в свое время Б. М. Клосс. Он пришел к выводу, что часть уникальных известий за 6375/867–6397/889 гг. «вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI в., когда составлялась Никоновская летопись», другие же сведения «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя». Впрочем, замечает Б. М. Клосс, «проблема уникальных известий Никоновской летописи во всей ее полноте... заслуживает самостоятельного изучения» (*Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 186–187, 189).

[18] *Черепнин Л. В.* Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. [Б. м.]

1948. Вып. 25; *Тихомиров М. Н.* Начало русской историографии. С. 56; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. С. 187 и 190–192.

[19] *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 30.

[20] Так, в рассказе о «чудовищной мести» Ольги Б. А. Рыбаков ощущает «древлянский дух» (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. С. 180–181). Более убедительным представляется истолкование этого рассказа как фольклорного в своей основе повествования, прославляющего мудрость Ольги (ср.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 132–137).

[21] Так, анализируя принципы, основываясь на которых А. А. Шахматов выделял вставные тексты, В. М. Истрин отмечал, что «исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа. Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно, вызывает возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличность позднейших вставок» (*Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Пг., 1923. Т. 26. С. 91; ср.: *Истрин В. М.* Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906. I–V. С. 153, 165, 173–174 и др.).

Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М., 1976. С. 97.

[3] *Лурье Я. С.* О шахматовской методике... С. 101.

Пашуто В. Т. А. А. Шахматов буржуазный источниковед Вопросы истории. 1952. № 2. С. 61; *Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 72.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище // Отчет о XII присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84–85.

См.: *Шахматов А. А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2, вып. 2. № 4. С. 32 [ссылка В. Т. Пашуто].

Пашуто В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. С. 62.

[28] *Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 70.

Напр.: *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР 1972. № 4; *Кузьмин А. Г* Спорные вопросы методологии изучения русских летописей Вопросы истории. 1973. № 2; *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 5–54, и др.

[30] *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957 Т. 13. С. 14 [ссылка А. Г. Кузьмина].

Рыбаков Б. А., Филин Ф. П., Кузьмина В. Д. Старые мысли, устарелые методы: Ответ А. А. Зимину // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 158 [ссылка А. Г. Кузьмина].

Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 53–54.

В этом отношении любопытно замечание С. Я. Сендеровича: «Шахматов, хотя и обладал отличной интуицией относительно характера находившегося перед ним текста, никогда не анализировал тексты в качестве литературных целостностей» (*Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 472).

[31] *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова... С. 476.

[35] Там же. С. 477

Мысль, впрочем, не новая. Близкое представление о роли и месте Священного Писания в литературе Slavia Orthodoxa еще четверть века тому назад высказал Р. Пиккио (*Picchio R.* The Functions of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa // Slavica Hierosolymitana. Vol. 1. 1977. P 1–31). Аналогичные идеи высказывал в свое время и автор этих строк (см., напр.: *Данилевский И. Н.* Библеизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 75–103; *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–94 и др.).

[37] Позволю себе напомнить, что сама такая постановка вопроса радикально расходится с отечественной историографической традицией последнего полувека. По определению Д. С. Лихачева, «летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком повествование, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях», поэтому якобы «религиозные воззрения... не пронизывали собою всего летописного изложения» (*Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 297; ср.: *Лихачев Д. С.* Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 129–130). Эта точка зрения настолько укоренилась в сознании мно-

гих (если не большинства) российских гуманитариев, что специфика даже заведомо «конфессиональных» текстов, таких как «Сказание о чудесах Владимирской иконы» или житие Леонтия Ростовского, видится им «не в "церковности", как считают некоторые исследователи», а в «светском, государственно-политическом пафосе их отличающем». При этом прямо говорится, что «Сказание о Леонтии Ростовском», «несмотря на агиографический жанр... пронизано светскими темами» (*Филипповский Г. Ю.* Столетие дерзаний: Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991. С. 76).

[38] *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова... С. 477–478.

[39] При этом надеяться, что в распоряжении историка, занимающегося историей Древней Руси, окажется комплекс источников, подобный тому, который позволил в свое время К. Гинзбургу выяснить, *что* и, главное, *как* читал Меноккио, – не приходится.

[40] Напомню: сам термин «интертекстуальность» был предложен Юлией Кристевой: «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» (*Kristeva Y.* La rèvolution du langage poétique: L'avant-garde a la fin du XIXe siècle. P., 1974. P. 443).

[41] Впрочем, эта «бóльшая корректность», пожалуй, в еще большей степени разрушает исследуемый текст. В свое время Л. М. Баткин отмечал: «Вычлененные из текста правила его организации, значения, общие места, мировоззренческие мотивы наверняка окажутся похожи на что-то еще, на как будто такие же правила и мотивы в других текстах или вовсе в других эпохах и регионах. В конечном счете: все было всегда, все подобно всему... Действительно: есть тысячелетние традиции, есть "вечные идеи" есть эпохальные или даже межэпохальные, невероятно устойчивые черты сознания; отсюда можно двигаться к установлению совершенно уже сверхисторических, антропологических условий и структур. Во всяком случае, выясняется, что конкретное богатство текста сводимо к богатству ВНЕтекстовых, ПРЕДтекстовых, МЕТАтекстовых кодов и ментальностей. *Тогда сам текст, с его своеобразием, снят исследованием, открывающим в нем знакомое, общее с другими текстами.* Он воспроизводит, но не производит культуру...» (*Баткин Л. М.* Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 107; курсив мой. – *И. Д.*).

[42] Ср.: «Продемонстрированный план возможно обнаружить только в культурно-исторической перспективе, выходящей за рамки собственно русской истории, то есть путем включения русской истории в тот контекст, в котором она возникла именно как культурная история» (*Сендерович С. Я.* Метод Шахматова... С. 494). Очевидно, *такое* «включе-

ние» не требует от историка предварительного «внутреннего» анализа источника – достаточно определить время и место его возникновения.

[13] Ср.: «Считалось, что изучение рукописей ограничивается "добыванием" текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу... который должен быть положен в основу издания» (*Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 25). Д. С. Лихачев категорически отказал «современной» текстологии в подобной цели. Однако тут же он неоднократно – в иных формах – вынужден вернуться к ней: «текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника. Только *путем полного изучения истории текста* памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и *восстановление первоначального авторского текста* памятника». И далее: «Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически *издать*... – таков принцип, к которому постепенно приходят современные... текстологи-медиевисты» (*Лихачев Д. С.* Текстология. С. 27; курсив мой. – *И. Д.*). Единственное принципиальное отличие «новой» текстологии от «старой», которое удается сформулировать Д. С. Лихачеву, – это то, что вторая руководствовалась диаметрально противоположным принципом: «Сперва издать – потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения» (Там же. С. 26). Как видим, несмотря на стремление Д. С. Лихачева перенести акцент на собственно изучение истории текста, текстология – как «старая», так и «новая» – продолжает определяться «как "система филологических приемов" к изданию памятников» (Там же, со ссылкой на кн.: *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 30). Мало того, теперь издание «памятника» прямо называется конечной целью, которую преследует текстология (для «старой» текстологии, по определению самого Д. С. Лихачева, публикация оказывалась промежуточным звеном в изучении текста). При этом, как видим, по существу текстология продолжает оставаться «системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания» (*Лихачев Д. С.* Текстология. С. 26). Впрочем, еще треть века тому назад В. Т. Пашуто отметил: «Идущий спор о том, как вести работу – сначала изучать, а потом публиковать или наоборот, кажется мне надуманным...; история науки свидетельствует о том, что это неразрывный процесс и едва ли стоит наперед отдавать предпочтение той или иной тенденции» (*Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: Сб.

статей. М., 1973. Вып. 1. С. 67). Впрочем, Д. С. Лихачев давал и «широкое» определение текстологии: в советское время, по его мнению, «история текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей и отчасти... их читателей» (*Лихачев Д. С.* Текстология. С. 28). Другой вопрос, что *такой* «филологическая» текстология пока так и не стала.

44 *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР 1966. № 4. С. 91.

45 *Пашуто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 70.

46 Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 129–131 и др.

47 Так, если К. Н. Бестужев-Рюмин, анализируя происхождение и состав Повести временных лет, приходил к выводу, что на нее «трудно смотреть... как на цельное произведение» (*Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. 1: Повесть временных лет; 2: Летописи южно-русские. СПб., 1868. С. 59), то, по мнению А. А. Шахматова, особенность летописей состояла как раз в том, что «это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам» (*Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение русских летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 6; *Шахматов А. А.* Разбор сочинений И. А. Тихомирова о летописании северо-восточной Руси, московском и тверском // Записки АН по историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. 4. № 2. С. 108). Ср.: «После того, что сделано в изучении русского летописания А. А. Шахматовым (в плане литературоведческом) и А. Е. Пресняковым и М. Д. Приселковым (в применении к задачам исторического построения), мне оставалось только отказаться от "протокольной" трактовки летописных повествований в наивно-реалистическом роде и применить к ним метод литературного анализа, рассматривая их не как счастливо сохранившиеся подобно "газетной" (хотя и бедной) хроники, а как литературное произведение данной исторической секунды, отразившее прежде всего именно эту секунду с ее злобами дня, полемики, тенденциями и борениями» (*Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 10).

48 Такое понимание генезиса летописного текста, правда, находится в некотором противоречии с положением, сформулированным

Д. С. Лихачевым, о том, что «о более или менее далеком прошлом средневековые авторы не писали новых произведений, предпочитая соединять и перерабатывать старые, составлять своды, сохранять всю старую фактическую основу, ценя в старых произведениях документ, подлинность» (*Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 293). Зато оно хорошо подтверждается историей конкретных древнерусских текстов, в том числе летописных.

[49] *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 293; *Лихачев Д. С.* Великое наследие. С. 72.

[50] Подробнее см.: Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. Вот какое определение дает генетической критике Е. Дмитриева: «Течение в современной французской науке о литературе; объектом изучения генетической критики является генезис произведения, генезис мыслительной деятельности художника; материальной опорой для генетической критики служат авторские рукописи. Частично совпадая с текстологией, генетическая критика отличается, в частности, от последней своей герменевтической направленностью, сосредоточенностью на теоретических проблемах, не связанных с издательской практикой» (*Дмитриева Е.* Словарь // Генетическая критика во Франции. С. 284).

[51] *Грезийон А.* Что такое генетическая критика? Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 33; ср. определение генетической критики у Жерара Женетта: «более или менее организованный осмотр "кухни" [создания текста]... познание путей и способов, посредством которых текст стал таким, каков он есть» (*Genette G.* Seuils. P., 1989. P. 368).

Грезийон А. Что такое генетическая критика? С. 40.

[53] Там же. С. 43.

[54] Там же. С. 27.

[55] Там же. С. 33. Ср., напр., только что приведенное высказывание Д. С. Лихачева.

Ср.: «Досье рукописного свода считается составленным, когда исследователь завершил работу по материальной идентификации входящих в него элементов и когда в его распоряжении оказывается свод рукописей, систематизированный и разбитый на отдельные подмножества» (*Биази де П.-М.* К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции. С. 69): «Произведение работает как "жесткий определитель" своего генезиса. Ретроспективно и со всей произвольностью свершившегося факта произведение производит жесткий отбор генетического материала, восстанавливая его порядок на основе следов генезиса, обнаруживаемых в завершенном произведении, или даже кладя в основу материальные характеристики, объединяющие отдельные части генетического

досье с произведением (в соответствии с данным принципом в генетической критике осуществляется воссоздание генетического досье на основе имеющихся материалов). В этом смысле можно сказать, что *не генезис детерминирует текст, а сам текст определяет свой генезис*» (*Феррер Д.* Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах // Генетическая критика во Франции. С. 230–231).

[57] По словам А. Грезийона, «исследователь практически не бывает до конца уверен, что располагает всеми письменными следами рождения текста». К тому же даже «самый полный набор рукописей – не что иное, как видимая часть в тысячу раз более сложного когнитивного процесса; подлинный же исток, зарождение замысла в уме творца, остается нам недоступным» (*Грезийон А.* Что такое генетическая критика? С. 50).

[58] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 15.

[59] Новгородская первая летопись... С. 175.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1956. С. 56.

[61] Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 54–55. Ср.: *Revelli G.* Monumenti litterari su Boris e Gleb: Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. P. 360–370.

[62] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. [репринт изд.: СПб.; М., 1982] Т. 4: Р–V. С. 584.

[63] Притч. 28: 1, 17.

[64] Откр. 14: 9–11.

[5] Ср.: «О погибшем без вести Святополке летописец говорит, что он ушел между чехи и ляхи; в архн. поныне между чахи и ляхи знчт. так и сяк, ни то ни се, середка на половине. День ушел между чахи и ляхи, не знаю куда» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. [репринт изд.: СПб.; М., 1882] Т. 4: Р–V. С. 584).

[66] Лев. 26: 36–38.

[67] 2 Мак. 9: 1–2, 4–18, 28.

[68] Лев. 26: 36–38.

Сюжет о кончине Антиоха присутствует и в Хронике Георгия Амартола, которой, как известно, пользовался автор Повести временных лет. Однако там отсутствует целый ряд деталей библейского рассказа, что отличает его от летописного описания кончины Святополка и не дает возможности предположить, что летописец в данном случае опирался именно на Хронику Георгия Амартола. Ср.: «Антиохъ де нелѣпо побѣженъ от Перьскыя земля наопять запование створивъ, от многа онына разболеся и глагола вельможамъ своимъ: “Отступилъ сесть сонъ от очию моею, и низъпадохъ печалью многою. И нынѣ убо поямнухъ злая, еже створил въ Иерусалимѣ, и разумѣю, яко тѣхъ ради

обреѣтохъ злая си, и се погыбаю въ земли чюжеи” Повели оружник своему беспрестани поганяти мановениемь шествование, разумѣвая явѣ, яко с вышняго суда мука есть. Одержащи его беспрестани болѣзнь въ утробѣ и люты мукы внутръ ключижеся ему низъ пасти с колесница, зане скоро везомъ, и въ злое падание падеся, и вся телесная удеса его раслабишася, и недугъ толма провлече и, яко и червемъ въскипѣти и болѣзньми велиими распадатися плъти его, еще же от смрада оканьнаго и сквернаго оного тѣла и всѣмъ воемъ тяжко бысть и по велику, много похваливыися и много зла створивъ, и тако нелѣпо уродьствьно житие въ чюжеи странѣ испроверже, сдѣ же по правдѣ неправедныи мученъ бысть, умеръ похудѣ и тамо паче вѣчно мучим есть» (*Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1: Текст. С. 202–203). Практически тождественный текст имеется и в Летописце Еллинском и Римском (Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 185–186).

[70] Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000. С. 508.

[71] Успенский сборник. С. 43.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 266. Ср.: *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 681–682.

Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Пг., 1920. С. 215–216.

[71] Эфиопская версия книг Еноха // *Тантлевский И. Р.* Книги Еноха: Арамейские фрагменты из Кумрана. Еврейская книга Еноха или Книга Небесных Дворцов. Сефер Йецира – Книга Созидания. Приложение: Эфиопская версия Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000. С. 325 (текст публикуется по изд.: *Смирнов А. В.* Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической книги Еноха. Казань, 1888). Ср.: «Потом Господь сказал Рафаилу: “Свяжи Азазиэля и брось его во тьму и заключи (прогони) в пустыню, которая находится в Дудаэль... и когда настанет день суда, прикажи ввергнуть его в огонь (*Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 256).

В качестве любопытной подробности можно упомянуть, что вторая из трех Книг Еноха сохранилась только в древнерусском переводе и была впоследствии переведена с древнерусского на древнееврейский.

[76] Ср.: Лев. 16: 6–10.

Термин, предложенный Жаном Бельменом-Ноэлем (Le Texte et l’avant-texte. P., 1972), где авантекст определяется как «собрание черновиков, рукописей, версток, ‘вариантов’ которые материально предшествуют произведению, рассматриваемому как текст, и могут

образовать с ним единую систему» (P. 15). Ср.: «Авантекст как таковой [–]... нечто, отличное от литературного произведения, но отличное и от тех "вариантов", которые творцы академических изданий печатают в приложениях, отрывая их от генетической почвы, отправляя в конец тома, в научный аппарат. Между этими двумя полюсами располагается гетерогенное пространство, заполненное случайными, произвольными фигурами, – пространство, в котором проект, импульс переходят с нейронного уровня на вербальный, где слово ищет свой голос и свой путь, где текстуальность воплощается в изобретение, – пространство, открытое для всех, кто исследует познавательную способность, процесс высказывания и специфику творчества» (*Грезийон А.* Что такое генетическая критика? С. 45–46). При этом подчеркивается, что «*авантекст* (или *изучение генезиса*) представляет собой реконструкцию тех генетических операций, которые предшествовали созданию текста. Авантекст не есть свод рукописей, но выявление той логической системы, которая организует рукописи. Авантекст не существует вне аналитического дискурса, который, собственно, его и порождает, и потому авантекст зависит в первую очередь от компетенции генетического критика, который занимается его составлением, используя результаты анализа рукописей». Воссоздание же авантекста «заключается прежде всего в выборе конкретной точки зрения, специфического метода, позволяющего реконструировать преемственность между тем, что предшествовало тексту, и этим самым текстом в его окончательной данности» (*Биази де П.-М.* К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции. С. 65, 66).

[78] *Биази де П.-М.* К науке о литературе. С. 78.

[9] См.: Дан. 7.

[*Деревенский Б. Г.*] // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000. С. 508. В частности, об этом пишет Ипполит Римский в трактате «О Христе и Антихристе» (Учение... С. 225). Ср.: разъяснения о различиях между Антиохом и Антихристом, которые дает Иероним Блаженный в Толковании на пророка Даниила (Учение об Антихристе... С. 332–339).

[81] Учение об Антихристе... С. 337.

[82] Лаврентьевская летопись. Стб. 132.

[83] Учение об Антихристе... С. 335.

Филист Г М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. С. 93.

[85] Ср.: «И сделают его [Антихриста] царем, и венчается он через 3,5 дня, а царствовать будет 3,5 года» (*Псевдо-Даниил.* Codex Canonicianus // Учение об Антихристе... С. 464); в самом кодексе это произведение называется: «Святого отца нашего Мефодия епископа слово о конце дней и об Антихристе», однако В. М. Истрин обратил внимание на то,

что оно отличается от известного «Слова» или «Откровения Мефодия Патарского», и отнес его к апокрифическому циклу «Видений Даниила» (*Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты. М., 1897. С. 294).

[86] Ср.: «Плод добрых трудов славен, и корень мудрости неподвижен. Дети прелюбодеев будут несовершенны, и семя беззаконного ложа исчезнет. Если и будут они долгожизненны, но будут почитаться за ничто, и поздняя старость их будет без почета. А если скоро умрут, не будут иметь надежды и утешения в день суда; ибо ужасен конец неправедного рода» (Прем. 3: 15–19); «из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» (Ис. 14: 29). Надо ли напоминать, что «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня» (Быт. 49: 17)?

[87] Лаврентьевская летопись. Стб. 78.

[88] *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 266 (в оригинальном греческом тексте речь идет просто о «юной девице по имени "Нечестивая" потому что от нее должно родиться нечестивому сыну, прозвище которого "Отступник"» – Учение об Антихристе... С. 463–464; ср.: значение слова окаяныи в Пандектах Никона Черногорца: «Окаянь же иже не съхранить заповѣдии Господень»: СлДрЯ XI–XIV. М., 2000. Т. 6. С. 105).

[89] Лаврентьевская летопись. Стб. 75.

[90] Здесь уместно вспомнить К. Маркса, который писал, что процесс труда «угасает» в его продукте (*Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191).

[91] Ср.: *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 107–108, 120 и др.